В диссертационный совет
75.2.016.02, на базе АНО ВО
«Российский новый университет»

105005, г. Москва, ул. Радио, 22

**ОТЗЫВ**
**официального оппонента**
**доктора юридических наук, доцента Репьева Артема Григорьевича**
**на диссертацию Завгородней Анастасии Александровны**
**на тему: «Интересы в праве и их соотношение: теоретико-правовое исследование», представленную на соискание ученой степени**
**доктора юридических наук по научной специальности**
**5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки)**

Позволю себе начать отзыв не с тривиальной схемы отражения основных характеристик работы (они не будут забыты ниже), а с констатации научной смелости докторанта и мужестве ее как человека и гражданина. Когда я впервые открыл рукопись диссертации А.А. Завгородней, меня, признаться, охватило особое чувство, которое испытываешь в последнее время все реже – чувство удивления перед смелостью ученого взяться за тему, по которой с одной стороны, имеется весьма солидный фундамент научных изысканий, а с другой – от которой опытные исследователи обычно отступают, как Моисей от Красного моря: слишком много здесь философских рифов, доктринальных водоворотов и идеологических мелей. Категория «интерес» в праве – это, без преувеличения, «черная дыра» юридической науки: она притягивает к себе все – от психологии до экономики, от социологии до этики, но сама остается неуловимой, как ртутный шарик на стекле.

И вот передо мной на рецензировании монографическое исследование объемом 554 страницы, в котором соискатель не просто описывает этот «ртутный шарик», но пытается сконструировать для него теоретико-правовой сосуд. Скажу прямо, что задача сверхамбициозная, почти Иеринговская по своему духу. О нем я вспомнил не случайно, поскольку Рудольф фон Иеринг свой знаменитый труд «Борьба за право» построил именно на категории

интереса, трансформировав его из психологического мотива в онтологическую основу права. Однако, если немецкий юрист завершил свое исследование в 1872 году, в условиях относительно стабильной внутригосударственной и мировой обстановки, то наш соискатель, проявляя истинное гражданское мужество и патриотизм, завершала свое исследование преодолевая тяготы и лишения в удовлетворении самых примитивных потребностей, пропустив через себя действия Украинского режима в отношении мирных граждан Донецкой Народной Республики и постоянно находясь в близи к событиям специальной военной операции. При этом, А.А. Завгородняя идет еще дальше – она пытается не просто описать борьбу интересов, но и сконструировать алгоритм их справедливого соотношения в условиях постсовременной, нелинейной, синергетической правовой реальности. А.А. Завгородняя и все жители Донецкой Народной Республики ведут свою борьбу за право, и эту борьбу – выигрывают!

Добавим отзыву классических элементов, характеризующих работу как завершенное, самостоятельное научное исследование. В частности, не нуждается в искусственном раздувании **актуальность темы диссертационного исследования.** Фундаментальные трансформации, происходящие в современном российском обществе и государстве, объективно актуализируют необходимость переосмысления ключевых феноменов теории права, среди которых центральное место занимает категория «интерес». В условиях перехода к информационному обществу, усложнения системы социальных коммуникаций, цифровизации государственно-правовых процессов и беспрецедентного санкционного давления со стороны коллективного Запада, традиционные догматические конструкции, сформированные в рамках классической юридической науки, далеко не всегда способны адекватно отражать динамично меняющуюся правовую реальность. В этих условиях особую значимость приобретает научное осмысление природы интересов в праве, механизмов их формирования, институционализации и справедливого соотношения.

Диссертационное исследование А.А. Завгородней посвящено одной из наиболее сложных и многогранных проблем современной теории права – разработке научной концепции соотношения интересов в праве. Актуальность представленной работы подтверждается как фундаментальными потребностями юридической науки, так и насущными запросами правотворческой и правоприменительной практики. Как справедливо отмечает соискатель, в действующем российском законодательстве отсутствует единая концептуальная основа использования конструкции «интерес»: в нормативных правовых актах употребляются различные формулировки – «интерес», «законный интерес», «охраняемый законом интерес», «имущественный интерес», «публичный интерес», «государственный интерес», «общественный интерес» и иные, что порождает терминологическую неопределенность и противоречивую правоприменительную практику.

Особую остроту проблема соотношения интересов приобретает в контексте конституционных преобразований, реализации национальных проектов и стратегических задач государственной политики, обозначенных в послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. Необходимость достижения устойчивого демографического развития, снижения уровня бедности, обеспечения технологического суверенитета объективно требует разработки научно обоснованных правовых механизмов согласования индивидуальных, групповых и общественных интересов. Эмпирические данные, приведенные диссертантом (о состоянии преступности, количестве обращений граждан в суды, ущербе от коррупционных правонарушений) (стр. 5 и др.), убедительно свидетельствуют о нарастании системных дисбалансов в различных сферах общественной жизни, что подтверждает практическую востребованность проведенного исследования.

В теоретико-доктринальной проекции тема исследования отвечает на давно назревший запрос юридической науки. Несмотря на значительный вклад в разработку проблематики интересов таких ученых, как С.С. Алексеев, В.К. Бабаев, М.И. Байтин, В.Н. Карташов, А.В. Малько, Н.И. Матузов,

М.Г. Смирнова, В.В. Субочев и иных исследователей, комплексная концепция соотношения интересов в праве, основанная на синтезе интерсубъективного, инструментального и синергетического подходов, до настоящего времени не была сформулирована. Диссертант обоснованно отмечает, что соотношение интересов в праве может иметь различные причины, характер и формальное выражение (стр. 12), однако остается нераскрытым вопрос общих социокультурных закономерностей возникновения и реализации правовых средств отображения соотношения интересов.

В социально-гуманитарной проекции актуальность исследования приобретает особое звучание в контексте проводимой государством политики по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей и укрепления государственного суверенитета. Интересы в праве выступают не просто абстрактной теоретической категорией, а реальным индикатором зрелости правовой системы, инструментом реализации конституционных ценностей. Через механизмы справедливого соотношения частных и публичных интересов обеспечивается баланс между свободой личности и интересами общества, между экономической эффективностью и социальной справедливостью.

В геополитической проекции, в условиях продолжающейся трансформации системы международных отношений и необходимости оперативной адаптации законодательства к меняющимся условиям, концепция соотношения интересов становится важным средством достижения баланса между стабильностью правовой системы и ее адаптивностью. Сказанное демонстрирует потенциал разработанной А.А. Завгородней концепции как механизма «точечной настройки» законодательства без необходимости его полной переработки.

Таким образом, актуальность исследования не вызывает сомнений. Она подтверждается как фундаментальными потребностями юридической науки, так и насущными запросами правотворческой и правоприменительной практики. Разработка научной концепции соотношения интересов в праве,

осуществленная А.А. Завгородней, приобретает особую практическую значимость и безусловную востребованность как в теоретическом, так и в практическом плане.

**Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации**, подтверждается верно избранной методологией исследования, глубокой проработкой теоретической, нормативной базы и эмпирической составляющей. Диссертант демонстрирует уверенное владение современным категориальным аппаратом теории права и государства, умение работать с разнообразными источниками информации, включая труды классиков отечественной правовой мысли и современных исследователей.

Методологический инструментарий исследования А.А. Завгородней поражает своей амбициозной эклектичностью – в лучшем смысле этого слова. Соискатель не боится соединить несоединимое: интерсубъективное правопонимание, инструментальный и синергетический подходы, неклассическую социологию права и классическую формальную логику. При всем этом, методологический инструментарий исследования отличается широтой и обоснованностью применения. Мировоззренческую основу составляет интерсубъективное правопонимание, развиваемое в русле неклассической юриспруденции и определяющее право как коммуникативно-процессуальный феномен, возникающий в результате социального взаимодействия. Общенаучную методологию образуют неклассический социологический подход, инструментальный и синергетический подходы, применяемые по принципу дополнительности в рамках интегративного правопонимания. Подобный синтез методологических подходов позволяет преодолеть ограниченность традиционных объективистских и субъективистских концепций интересов в праве и раскрыть их коммуникативно-институциональную основу формирования.

Особого внимания заслуживает разработка диссертантом аналитических приемов соотношения интересов в праве, основанных на синтезе правил

логических отношений между понятиями с учетом специфики правовых явлений. Предложенные приемы (структурное, функциональное, генетическое, транзитивное, динамическое, институциональное, контекстуальное соотношение и соотношение по степени реализации) (стр. 422) создают целостный методологический инструментарий для анализа сложной системы взаимосвязей между различными видами интересов в праве. Данный подход является несомненным вкладом в методологию юридической науки и открывает новые перспективы для исследования правовых явлений.

Эмпирическая база исследования репрезентативна и включает обширный массив нормативных правовых актов, материалов судебной практики, в том числе постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации, актов Конституционного Суда Российской Федерации, а также статистических данных. Диссертантом проведен анализ 250 судебных решений, что позволяет сделать обоснованные выводы о состоянии правоприменительной практики в сфере соотношения интересов.

Диссертационное исследование А.А. Завгородней характеризуется **продуманной и логически выверенной структурой, которая обеспечивает системное изложение научного материала**. Работа построена по классической концепции научного труда и включает введение, пять глав, состоящих из пятнадцати параграфов, заключение, список использованной литературы и источников, а также приложение. Такая архитектура позволяет последовательно раскрыть тему от общих теоретико-методологических предпосылок к конкретным механизмам институционализации интересов и проблемам их справедливого соотношения.

В первой главе «Теоретико-методологические основы исследования интересов в праве» диссертант осуществляет глубокий анализ эпистемологических условий и методов исследования соотношения интересов в праве, раскрывает сущность интересов как социогуманитарной конструкции, исследует взаимосвязь легитимности права, справедливости и интересов. Особого внимания заслуживает обоснование необходимости выделения

в структуре интереса трех взаимосвязанных составляющих: объективной, субъективной и интерсубъективной. Данный подход позволяет преодолеть ограниченность традиционной дихотомии объективного и субъективного подходов и демонстрирует коммуникативно-институциональную основу формирования интересов в социально-правовом контексте (стр. 35-123).

Во второй главе «Интересы в праве: сущность и типология в рамках закономерностей правового опосредования» автором разработана оригинальная типология интересов по степени правового опосредования, включающая социальные, легитимные, правовые, юридические и правореализационные интересы. Данная типология, основанная на генетическом и транзитивном соотношении, демонстрирует механизм трансформации интересов от социальных явлений к юридическим конструкциям. Особую научную ценность представляет разграничение понятий «законные интересы» и «охраняемые законом интересы», а также характеристика законного интереса как правового средства-установления, характеризующегося предоставлением лицу общего дозволения (стр. 124-202).

В третьей главе «Соотношение интересов в праве по степени обобщения и характеру значимости благ» диссертант исследует сущность и соотношение индивидуальных и общественных интересов, интересы в сфере взаимодействия гражданского общества и государственной власти, а также соотношение частных и публичных интересов. Несомненной научной заслугой автора является обоснование функционального подхода к пониманию государства как публичной власти и агента общественных интересов, а также введение в научный оборот понятий «квазипубличные» и «квазигосударственные» интересы, что позволяет выявлять потенциальные конфликты интересов между функциями государственного аппарата и подлинными общественными потребностями (стр. 203-289).

В четвертой главе «Институционализированные формы соотношения интересов в праве» автор исследует баланс интересов как легитимную модель их соотношения, пропорциональность как алгоритм установления

справедливого соотношения интересов, а также справедливое соотношение интересов в доктринах верховенства права и правового социального государства. Обоснованное понимание баланса интересов как динамически уравновешенного соотношения значимых комплементарных и конкурирующих интересов в праве, обусловленного нелинейными условиями функционирования правовой системы как открытой, является существенным вкладом в теорию права (стр. 290-356).

В пятой главе «Концепция соотношения интересов в праве: теоретическое обоснование, содержание, реализация» диссертант исследует принципы в праве как институциональную форму выражения и реализации интересов, соотношение интересов как фактор формирования свойств права, а также содержание и реализацию концепции соотношения интересов в правовой действительности. Предложенная система унификации терминологии интересов в федеральном законодательстве, представленная в приложении к диссертации, имеет высокую практическую ценность и может быть использована в законотворческом процессе (стр. 357-419).

**Достоверность и новизна положений, выводов и рекомендаций**, сформулированных в диссертации, не вызывают сомнений и покоятся на «трех китах», каждый из которых заслуживает отдельного внимания.

Первый кит – обоснование введения интерсубъективной составляющей в структуру интереса наряду с объективной и субъективной. Это, признаться, настоящий теоретический прорыв. Вспомним, что отечественная доктрина права, начиная с советского периода, билась над дилеммой: интерес – это объективная данность (как у Н.М. Мусаева) или субъективное осознание потребности (как у профессоров А.В. Малько и В.В. Субочева)? А.А. Завгородняя предлагает третий путь – интерес как коммуникативно-институциональный феномен, формирующийся в социальном взаимодействии. Это сближает ее концепцию с философией диалога М. Бубера и интерсубъективной феноменологией Э. Левинаса, но при этом сохраняет строгую юридическую определенность.

Второй кит – авторская типология интересов по степени правового опосредования: социальные – легитимные – правовые – юридические – правореализационные интересы (стр. 132-139, 145-147 и др.). Это, без преувеличения, теоретико-правовая «таблица Менделеева», позволяющая систематизировать разрозненность терминологии и выявить закономерности трансформации интересов от социальных явлений к юридическим конструкциям.

Третий кит – разработка концепции квазипубличных и квазигосударственных интересов (стр. 256, 339, 416 и др.). Это, на мой взгляд, самая дерзкая и оригинальная новелла диссертации. Соискатель фактически разоблачает «маски» государства, показывая, что за фасадом «государственных интересов» часто скрываются ведомственные, служебные, а подчас и частные интересы государственного аппарата. Это, признаться, напоминает разоблачение иллюзиониста, который показывает публике белого кролика, а в рукаве у него – целый выводок серых зайцев.

В итоге, научная новизна исследования заключается в создании авторской научной концепции соотношения интересов в праве и их роли в современных условиях правовой действительности. Новизна исследования проявляется в оригинальности постановки задач, выборе методологического инструментария, а также полученных на этой основе результатах.

К основным положениям, выносимым на защиту и отражающим научную новизну, относятся:

– обоснование введения интерсубъективной составляющей в структуру интереса (наряду с объективной и субъективной), обусловленной его социогенным происхождением, и разработка на этой основе теоретических положений о формировании, природе, структуре интересов в праве (стр. 81, 151 и др.);

– разработка авторской типологии интересов по степени правового опосредования, формирование научного представления о сущности правовых интересов и их роли в системе принципов в праве (стр. 151, 371 и др.);

– обоснование закономерности определения динамического равновесия интересов в праве и выявление значения обеспечения справедливого соотношения интересов для социальной и юридической эффективности права (положение № 20, стр. 387, 398 и др.);

– разработка аналитических приемов соотношения интересов в праве, основанных на синтезе правил логических отношений между понятиями с учетом специфики правовых явлений (стр. 63, 422 и др.);

– обоснование понимания «интереса в праве» как социетально-обусловленного, интерсубъективно-формируемого стремления субъекта или группы к получению определенных благ (стр. 22, 58, 422 и др.);

– формулирование авторского понимания правовых интересов как индивидуальных или общих стремлений субъектов к достижению фактической определенности общественных отношений через действие в рамках правопорядка (положение № 8);

– разработка концепции публичных интересов с дифференциацией на диспозитивные и императивные, что определяет типы правового регулирования (стр. 285, 417 и др.).

**Значение выводов и рекомендаций, полученных в диссертации, для науки и практики.** Теоретическая значимость исследования состоит в создании научной концепции соотношения интересов в правовой действительности, основанной на методологическом синтезе интерсубъективного, инструментального и синергетического подходов. Разработанная автором концепция содержит критерии анализа соотношения интересов, аналитические приемы соотношения интересов, а также типология интересов по степени правового опосредования, – являются существенным вкладом в развитие теории права.

Практическая значимость работы определяется разработкой конкретных механизмов совершенствования российского законодательства и правоприменительной практики. Предложенная система унификации терминологии интересов в федеральном законодательстве направлена

на устранение терминологической неопределенности и обеспечение единообразного понимания правовых конструкций. Разработанный алгоритм применения принципа пропорциональности как инструмента справедливого соотношения интересов может использоваться судебными органами для обоснования решений при конкуренции различных интересов.

Результаты диссертационного исследования могут быть приняты во внимание в законодательной и правоприменительной деятельности федеральных органов государственной власти, при совершенствовании процедур согласования публичных и частных интересов в различных сферах правового регулирования. Предложенная система унификации терминологии интересов в федеральном законодательстве, представленная в приложении к диссертации, – это, по сути, готовый законопроект, который может быть внесен в Государственную Думу РФ уже завтра (стр. 473-554). Сформулированные положения могут быть использованы при дальнейших исследованиях фундаментальных проблем общей теории права, конституционного и международного права, иных отраслевых юридических наук, а также при изучении курсов «Теория государства и права», «Философия права», «История и методология юридической науки», подготовке учебных программ и учебно-методической литературы.

Без сомнения, следует с положительной стороны отметить **личный вклад соискателя в разработку научной проблемы, репрезентативность эмпирического материала, глубокую обоснованность научных положений, выводов и рекомендаций**. Научно-информационная и источниковая база диссертационного исследования в значительной степени характеризуют масштаб предпринятых А.А. Завгородней усилий. В орбиту исследования вовлечен и обстоятельно охарактеризован широкий круг историографических источников и материалов, при этом показаны общие черты и особенности сложившейся историографии. Диссертант демонстрирует глубокое погружение в сформировавшуюся историографическую традицию, уважительное отношение к ней и собственную высокую научную культуру.

Весьма солидной представляется источниковая основа диссертации, а группировка носителей информации – обоснованной. Привлеченные для исследования документы и материалы обобщены на основе различных критериев классификации. Привлечение для диссертационного исследования значительного числа источников и научных произведений, охарактеризованные теоретико-методологические основы работы позволяют определить ее как многоаспектное научное исследование, основанное на необходимых носителях правовой информации, отличающееся оригинальностью, новизной и достоверностью показанных результатов.

Основные результаты по проблематике исследования изложены в 36 публикациях автора, в том числе в 1 монографии, а также в 22 статьях, опубликованных в изданиях, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки России. Основные положения диссертации были также апробированы автором в ходе выступлений с научными сообщениями на научно-практических конференциях, форумах, «круглых столах» международного, всероссийского и межрегионального уровня.

**Общая оценка содержания диссертации, ее завершенность.** Анализ содержания диссертации в полной мере дает основания утверждать, что работа является целостным оригинальным исследованием, результаты которого углубляют знания о природе и сущности интересов в современном праве, закономерностях формирования и средствах установления определенного соотношения интересов, типологии интересов в праве, моделях установления соотношения интересов с учетом их динамики и контекстуальности, подходах к пониманию справедливости и средствах ее обеспечения, балансе интересов в праве, пропорциональности как инструменте справедливого результата в реализации правовых интересов. Оформление диссертации соответствует предъявляемым к такого рода работам требованиям.

Выносимые на защиту положения отражают научную новизну исследования и характеризуют личный вклад диссертанта в осмысление

проблемы. Формулируемые автором положения соответствуют материалам диссертации, демонстрируют самостоятельность автора в теоретико-правовых выводах. Содержание автореферата диссертации соответствует ее содержанию. Автореферат включает в себя все необходимые сведения о проведенном исследовании. Апробация результатов исследования видится соответствующей требованиям.

Диссертация, без сомнения, заслуживает положительной оценки, но она не лишена отдельных моментов, нуждающихся в пояснениях и дополнительной аргументации соискателя во время защиты.

**Первое.** В диссертации обосновывается введение интерсубъективной составляющей в структуру интереса наряду с объективной и субъективной, что является несомненной научной заслугой автора (стр. 19 и др.). Вместе с тем, остается не до конца раскрытым вопрос о критериях разграничения и соотношения этих трех составляющих в конкретных правовых ситуациях. Как практически определить, в какой мере тот или иной интерес обусловлен объективными факторами (связью с благом как внешним источником), субъективными (внутренней потребностью, ее осознанием) и интерсубъективными (нормативными условиями во взаимосвязи с объективными и субъективными характеристиками)? Не приведет ли подобное трехчленное деление к размыванию границ между составляющими и не затруднит ли его применение в практике? Хотелось бы услышать от автора более развернутую позицию о методике операционализации предложенной структуры интереса в конкретных юридических казусах.

**Второе.** Разработанная автором типология интересов по степени правового опосредования, включающая социальные, легитимные, правовые, юридические и правореализационные интересы, является оригинальной и теоретически обоснованной (положение № 7, стр. 30-31, 139 и др.). Однако вызывает вопрос соотношение предложенной типологии с традиционными классификациями интересов, используемыми в отраслевых юридических науках. В частности, как соотносятся «правовые интересы» как родовое

понятие по отношению ко всем интересам, опосредуемым в праве, с конструкцией «охраняемые законом интересы», используемой в процессуальном законодательстве? Не возникнет ли терминологическая путаница при применении авторской типологии в отраслевых исследованиях, где устоялись собственные понятийные ряды? Представляется, что данный аспект требует дополнительной концептуализации и разъяснения.

**Третье.** Диссертант обоснованно вводит в научный оборот понятия «квазипубличные» и «квазигосударственные» интересы для обозначения ведомственных (служебных) интересов государственного аппарата, производных от императивных и диспозитивных публичных, а также типичных частных интересов (положение № 12, стр. 248, 421 и др.). Данная новелла имеет научную ценность, поскольку позволяет выявлять потенциальные конфликты интересов. Вместе с тем, остается неясным, как предложенная классификация соотносится с конструкцией «государственные интересы», используемой в действующем законодательстве (например, в Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации», в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации). Не приведет ли введение новых терминов к необходимости масштабной ревизии действующего законодательства и возникновению коллизий между доктринальными конструкциями и законодательной терминологией? Представляется, что автору следовало бы предложить более детальный механизм имплементации предложенных понятий в нормотворческий процесс.

**Четвертое.** В диссертации обосновывается понимание баланса интересов как динамически уравновешенного соотношения значимых комплементарных и конкурирующих интересов в праве, обусловленного нелинейными условиями функционирования правовой системы как открытой и невозможностью достижения абсолютного равновесия или равенства (положение № 14). Данный подход является теоретически обоснованным и соответствует синергетической парадигме. Однако возникает вопрос о практических критериях оценки такого динамического равновесия. Как правоприменитель может определить, что

достигнутое соотношение интересов является именно «динамическим равновесием», а не дисбалансом? Какие объективные индикаторы свидетельствуют о достижении баланса? Не приведет ли оценочный характер данного понятия к расширению судебного усмотрения и снижению предсказуемости судебных решений? Вспомним, как в музыке ритм – это не просто чередование сильных и слабых долей, но и их соотношение, создающее ощущение движения. Не получится ли, что авторская концепция динамического баланса, как сложная полиритмическая композиция, окажется слишком трудной для восприятия «классическим» правоприменителем, воспитанным на «четырехдольном» марше позитивистской догмы? Автору следовало бы предложить более конкретные критерии верификации баланса интересов в правоприменительной практике.

**Пятое.** Диссертант предлагает усовершенствованный алгоритм применения теста на пропорциональность (стр. 332, 335, 368 и др.), в который интегрированы разработанные аналитические приемы соотношения интересов в праве. Данное предложение имеет высокую практическую ценность. Вместе с тем, остается не до конца раскрытым вопрос о соотношении предложенного алгоритма с уже существующей практикой применения принципа пропорциональности Конституционным Судом Российской Федерации и Верховным Судом Российской Федерации. Как предложенный алгоритм соотносится с уже сложившейся судебной практикой? Не приведет ли его внедрение к необходимости пересмотра устоявшихся подходов в оценке соразмерности ограничений прав и свобод? Все-таки весы Фемиды – это не просто инструмент взвешивания, но и символ справедливости, требующий особого обращения. Не получится ли, что авторский алгоритм, как новые, более точные весы, окажется несовместимым с «старыми гирями» сложившейся практики? Представляется, что автору следовало бы провести более детальный сравнительный анализ предложенного алгоритма с существующей правоприменительной практикой.

**Шестое.** В диссертации обосновывается конвергенция доктрин

верховенства права и правового государства в рамках отечественного правоведения (стр. 350, 355 и др.). Данный вывод является теоретически обоснованным и соответствует современным тенденциям развития правовой мысли. Вместе с тем, вызывает вопрос о том, как предложенная концепция конвергенции соотносится с позицией Конституционного Суда Российской Федерации, который в ряде своих решений проводит различие между этими доктринами.

Не приведет ли теоретическое обоснование конвергенции к размыванию содержательных различий между доктринами и утрате их эвристического потенциала? Вспомним, как С. Хантингтон в своей концепции, изложенной в бессмертной работе «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» (1996) показывал, что различия между культурами не исчезают, но трансформируются. Представляется, что автору следовало бы более детально обосновать, какие именно элементы каждой из доктрин сохраняют самостоятельное значение в условиях их конвергенции.

**Седьмое.** В приложении к диссертации представлена обширная система предложений по совершенствованию российского законодательства, включающая унификацию понятийного аппарата и дефиниций «права и законные интересы», «публичные интересы», а также введение принципа пропорциональности в процедуры правоприменения (стр. 318-326, 329 и др.). Данные предложения имеют высокую практическую ценность. Вместе с тем, вызывает вопрос о механизмах имплементации предложенных изменений в действующее законодательство. Не приведет ли масштабная унификация терминологии к возникновению переходных проблем в правоприменительной практике? Как обеспечить единообразное понимание новых конструкций правоприменителями, не имеющими специальной теоретико-правовой подготовки? Представляется, что автору следовало бы предложить более детальный план поэтапной имплементации предложенных изменений, включая мероприятия по повышению правовой культуры правоприменителей.

**Восьмое.** В диссертации обосновывается понимание права как системы

социокультурно обусловленных, интерсубъективно формируемых и формально институционализированных способов реализации легитимных социальных интересов (стр. 397). Данная дефиниция является теоретически емкой и отражает сущностные характеристики права в современных условиях. Вместе с тем, вызывает вопрос о соотношении предложенного понимания права с традиционными концепциями правопонимания, в частности, с естественно-правовой и позитивистской концепциями. Вспомним, как Г.В.Ф. Гегель в «Философии права» различал «абстрактное право», «мораль» и «нравственность», показывая, что право – это не просто система норм, но и система ценностей, институтов и практик. Не получится ли, что авторское понимание права, как «интерсубъективная система», окажется слишком «мягким» для позитивистской догмы, требующей четких норм и санкций? Не приведет ли акцент на интерсубъективной природе права к недооценке его нормативной определенности и обязательности? Представляется, что автору следовало бы более детально обосновать, как предложенное понимание права соотносится с принципом правовой определенности, который является одним из ключевых требований к правовой системе.

**И последнее.** В меньшей степени для того, чтобы укорить соискателя в невнимательности, а скорее для доказательства тщательности прочтения диссертации отмечу некоторые технические погрешности, грамматические ошибки, неудачные стилистические обороты, повторы материала:

– стр. 2 и стр. 35 (в наименовании первой главы имеется досадный повтор связки «в праве»). Аналогичный повтор обнаружен при указании наименования главы 4 (стр. 2 и 290);

– стр. 5 предложение «Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ поступило…» содержит грамматическую ошибку: отсутствует предлог «в» или неверно согласованы члены предложения;

– стр. 22 (в положении № 6) допущен повтор: «Обосновано, что “интерес в праве” может быть определен *в качестве в качестве* социетально-обусловленного...»;

– стр. 23 (в положении № 8) повторяется конструкция: «посредством участия в нормотворчестве, соблюдении и исполнении норм права. посредством участия в нормотворчестве, соблюдении и исполнении норм права» (по всей видимости технический сбой при верстке);

– стр. 30 (в положении 21) допущена грамматическая ошибка: «в сопоставлении с действующими редакциями кодифицированных и иных федеральных нормативных правовых акт*ах*» (должно быть в родительном падеже);

– стр. 41 допущена опечатка: «*интесубъективность*» вместо «интерсубъективность»;

– автор активно использует неологизм *«опривычивание»* (стр. 80, 134, 288 и др.). Данное слово, не зафиксированное в словарях русского языка, по замыслу автора, видимо, призвано передать процесс превращения социального явления в привычную норму, однако его систематическое использование создает стилистическое однообразие и затрудняет восприятие текста. Представляется, что устоявшиеся термины «институционализация», «нормативное закрепление», «правовое опосредование» точнее передают суть описываемых автором процессов.

Подобные технические погрешности, к сожалению, несколько снижают впечатление от качественно выполненного исследования.

Тем не менее, все изложенные замечания и вопросы носят исключительно дискуссионный характер, направлены на дальнейшую разработку поднятой автором фундаментальной проблемы. Проведенное А.А. Завгородней диссертационное исследование является результатом самостоятельной и целенаправленной научной работы, в ходе которой успешно решена актуальная научная проблема в области теоретико-исторических правовых наук. Автору удалось не только сформулировать научную проблему, но и предложить обоснованные пути ее решения, что свидетельствует о высоком уровне научной квалификации диссертанта. Работа демонстрирует зрелость научного мышления, глубокое понимание процессов правового

регулирования и умение применять теоретические знания для анализа практических ситуаций.

Учитывая качество проведенного исследования, его актуальность и значимость для развития юридической науки, диссертация Завгородней Анастасии Александровны на тему: «Интересы в праве и их соотношение: теоретико-правовое исследование» является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей важное значение для развития юридической науки и практики, что соответствует требованиям абзаца 1 пункта 9 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации № 842 от 24 сентября 2013 г. (в редакции от 18 июля 2026 г.), предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора юридических наук, а ее автор Завгородняя Анастасия Александровна заслуживает присуждения ей ученой степени доктора юридических наук по научной специальности 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки).

**Официальный оппонент:**
Заместитель директора Юридического института
Российского университета транспорта по науке,
заведующий кафедрой «Теория права, гражданское право
и гражданский процесс», доктор юридических наук
(12.00.01 – теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве), доцент А.Г. Репьев
/ Артем Григорьевич Репьев /

« 3 » ноября 2026 г.

Подпись Репьева А.Г.
Заверяю
Директор ЦКАДС
С.Н. Коржин

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет транспорта»;
127994, г. Москва, ул. Образцова, д. 9, стр. 9;
Тел.: +7 495 274-02-74, доб. 3701 (регистрация корреспонденции);
E-mail: info@rut-miit.ru; tu@miit.ru (регистрация корреспонденции)